

Г.И.Тираспольский (Сыктывкар)

В КУРАТОВЕДЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ Е.С.ГУЛЯЕВА

Достижения куратоведения 70–80-х гг. прочно связаны с именем Евгения Семеновича Гуляева. Глубже осмыслив его работу в этой области, мы сумеем с бóльшей результативностью вести куратоведческие исследования.

Судьба отмерила Евгению Семеновичу слишком малый срок для того, чтобы вникнуть в содержание лингвистических работ И.А.Куратова, к которым он обратился в 70-х гг. Однако и то, что Е.С.Гуляев успел сделать, составляет тему для размышлений.

Первая и последняя теоретическая статья Е.С.Гуляева по куратоведению была опубликована в 1976 г. (Гуляев, 1976). Примечательно ее название: “Комментарии к высказываниям И.А.Куратова о языке”. Комментарии к *высказываниям*, а не к *работам* И.А.Куратова. Неужели только куратовские высказывания о языке, но не сами его лингвистические работы, заслуживали комментариев?

Этот вопрос возникает у всякого, кто не был знаком со сложившейся в то время обстановкой в куратоведении. Надо знать, что тогда тон исследованиям в этой области коми языка задавал выдающийся языковед В.И.Лыткин, который был научным руководителем Е.С.Гуляева, его соавтором в составлении “Краткого этимологического словаря коми языка” и непререкаемым авторитетом для большинства коми языковедов. По мнению же В.И.Лыткина, лингвистические работы И.А.Куратова не имеют научного значения, а относятся к разряду дилетантских.

Почему В.И.Лыткин давал такую низкую оценку лингвистическим трудам И.А.Куратова? Выскажу следующее предположение. Как известно, Василий Ильич необоснованно пострадал от советской власти, которая в 1939 г. по случаю столетнего юбилея И.А.Куратова развернула вульгарную

пропагандистскую кампанию. И.А.Куратов при этом характеризовался “как первый исследователь коми языка, сделавший удачную попытку научно-материалистического обоснования его”; утверждалось, что познания коми поэта в вопросах языка “были поистине необъятны”, что производимый им этимологический анализ слов “безукоризнен и не может оставить ни малейшего сомнения в правильности его даже у самого придирчивого читателя” (Вежев, 1939, с.4, 7, 19). Такие примитивные славословия не могли не раздражать мыслящих языковедов, вызывая острую потребность высказать прямо противоположное мнение. Именно так и поступил В.И.Лыткин.

В этих условиях положение Е.С.Гуляева было нелегким. Ясно понимая, что оценка лингвистических исследований И.А.Куратова В.И.Лыткиным была несправедливо занижена, он вместе с тем не мог или не хотел вступать в открытый спор со своим учителем. Вот почему статье о научных трудах И.А.Куратова дано уклончивое название.

Обратимся к содержанию статьи. Композиционно она состоит из вступления, пяти разделов, образующих основную часть, приложения и краткого заключения.

Вступительная часть содержит сжатую характеристику зарубежного и отечественного языкознания середины XIX в., когда И.А.Куратов приступил к лингвистическим исследованиям. По мнению автора, составить представление об общелингвистических взглядах И.А.Куратова можно лишь приблизительно, опираясь на его высказывания, библиографические заметки и конспекты, большинство из которых не были опубликованы в юбилейном издании 1939 г. Здесь Гуляев-текстолог, предпочитающий рукописный подлинник опубликованному тексту, берет верх над Гуляевым-языковедом, и делает это не на пользу истине. Всякому непредубежденному исследователю ясно, что черновые и большей частью отрывочные рукописные материалы, несмотря на их несомненную информативную ценность, как источник для выявления научных взглядов автора, не идут ни в какое сравнение с завершенными и опубликованными трудами. Неверная посылка Е.С.Гуляева вызвала и его неверный вывод, согласно которому общелингвистические взгляды И.А.Куратова формировались под влиянием идей Вильгельма Гумбольдта.

На самом деле, процесс формирования языковедческих взглядов ученого был иным, и сами взгляды никак не сводились к гумбольдтианству или к иной заимствованной доктрине. Нет нужды разыскивать в трудах И.А.Куратова явные следы постороннего влияния. Подобно И.А.Бодуэну де Куртене, он с полным правом мог бы назвать себя автодидактом, т.е. самоучкой, причем не в узком смысле слова — кто получил знания посредством самообразования, а в широком — кто выработал собственную оригинальную теорию.

Главные черты лингвистических исследований И.А.Куратова — настойчивый поиск нетрадиционных путей исследования коми языка; опора на богатый и разнообразный материал более чем 50 языков; обостренный интерес к типологическим свойствам коми языка и ностратической проблематике; предпочтение описательного исследования историческому; социо-экологическое истолкование языка.

Разрабатывая нетрадиционный подход к коми языку, И.А.Куратов подверг критике существовавшие коми грамматики, авторами которых были преимущественно зарубежные ученые. В их трудах он усматривал три существенных недостатка: привнесение в коми грамматику индоевропейских теоретических схем; использование языкового материала, почерпнутого из несовершенных переводов с русского языка на коми; предпочтение сравнительно-исторической проблематики в ущерб описательному исследованию языка.

В своих лингвистических трудах, кроме русского и коми языков, И.А.Куратов привлекает материал 51 языка и диалекта, составляющих 16 языковых семей и групп. Чаще всего в его работах упоминаются немецкий, латинский, венгерский, французский, китайский, английский, финский, турецкий, санскритский, греческий и татарский языки. Эпизодически приводится материал айнского, арабского, болгарского, бретонского, вепсского, водского, древнеирландского, камрийского, корейского, кревинского, лапландского, норвежского, чукотского и многих других языков.

Повышенный интерес исследователя к типологическим свойствам коми языка объясняется стремлением выявить в нем особенности, отличающие его от индоевропейских и других финно-угорских языков. По мнению И.А.Куратова, коми язык в типологическом отношении наиболее близок к китайскому и обладает яркими изолирующими признаками: обилием односложных слов, выражением грамматических отношений при помощи служебных слов и словопорядка и др.

Самым важным в исследовании коми языка И.А.Куратов считал описательный подход, так как именно он создает почву для углубленного изучения коми языка коренным населением Коми края и развития просвещения. Сравнительно-историческое изучение коми языка, при всей его несомненной ценности, излишне академично и оторвано от насущных нужд просвещения.

Вместе с тем И.А.Куратову не была чужда историческая проблематика, что выразилось в его поисках древнейших родственных связей языковых семей Северной Евразии (в XX в. это предполагаемое родство рассматривается в рамках ностратической гипотезы). Для установления таких связей он сопоставляет личные местоимения различных языков, лично-возвратные местоимения, термины родства, числительные и некоторые глаголы, выявляет их звуковое и смысловое подобие, структурную и словообразователь-

ную общность. И.А.Куратов первым в науке обосновал гипотезу родства языковых семей Северной Евразии. Незрелость ностратистики того времени обусловила в дальнейшем отказ коми ученого от ностратических сопоставлений при этимологическом анализе лексики пермских языков.

Рассматривая причины языковых изменений, И.А.Куратов разработал применительно к коми языку социоэкологическую концепцию, согласно которой коми язык изменяется в первую очередь потому, что на его носителей влияет природная среда. Такое воздействие обуславливает исторические особенности жизни говорящих, а эти особенности формируют психические свойства людей, прямо связанные с языковыми процессами.

В основной части статьи Е.С.Гуляева освещаются следующие темы: 1) язык и народ; 2) происхождение языков мира; 3) генетическая классификация языков; 4) родословное древо индоевропейских языков; 5) вопросы финно-угристики.

1. Язык и народ. В этом разделе ярко проявилась эрудиция Гуляева-публикатора, который ввел в научный оборот интересные куратовские заметки этнографического содержания. Недостаток раздела — слабая связь публикуемого материала с общелингвистическими взглядами И.А.Куратова и хаотичность в подборе архивных документов. Упрекнуть публикатора можно и в том, что, цитируя рукописные документы, он, вопреки существующим правилам, не указывает их архивные реквизиты: фонд, опись и листы. Впрочем, этот промах мог быть устранен редакторами второго тома “Куратовских чтений”, почему-то упустившими из виду этот недостаток.

2. Происхождение языков мира. Название раздела не соответствует его содержанию: на самом деле здесь дается морфологическая классификация и ее связь с волновавшими языкознание середины XIX в. идеями совершенства и отсталости языков. Рассматривая куратовскую концепцию, автор статьи приходит к выводу о том, что И.А.Куратов в своих взглядах на указанную проблему существенно расходится с В.Гумбольдтом. Тем самым Е.С.Гуляев невольно опровергает собственный исходный тезис о гумбольдтианской направленности исследований И.А.Куратова.

3. Генетическая классификация языков. В центре внимания автора статьи находится концепция А.Шлейхера, которая, по его мнению, вызвала пристальный интерес И.А.Куратова. Именно в этой связи у И.А.Куратова, якобы, могли возникнуть размышления о так называемом “организме” языка (Куратов, 1939, с.54). Не подлежит сомнению, что И.А.Куратов читал работы А.Шлейхера, в том числе его книгу “Теория Дарвина в применении к науке о языке” (СПб., 1864). Возможно, эта работа послужила одним из источников размышлений И.А.Куратова над проблемой “организма” языка. Однако следует иметь в виду, что и термин “организм языка”, и сама идея сходства структуры языка со строением

живого организма появились еще до А.Шлейхера. Так, изданная в 1827 г. книга основоположника логико-синтаксического учения К.Ф.Беккера так и назвалась — “Организм языка” (Becker, 1827; Виноградов, 1975, с.255, 330, 332, 334). Впрочем, в термин *организм* Беккер и его последователи вкладывали, судя по всему, не биологическое, а логико-психологическое значение “органическая, тесная взаимосвязь компонентов”. Что же касается А.Шлейхера, то при всем несомненном биологизме его концепции главной мыслью немецкого ученого было предположение о том, что в языке, как и в живом организме, действуют объективные, т.е. не зависящие от нашей воли закономерности, которые определяют ход его эволюции. В отличие от этого, И.А.Куратов, размышляя об “организме языка”, рассматривает не его исторические закономерности, а тип взаимосвязи компонентов. Иначе говоря, здесь он полемизирует не с А.Шлейхером, а с исследователями, входящими в один ряд с К.Ф.Беккером, и другими сторонниками логико-грамматического учения. Хронологически и территориально ближайший из них — это, по-видимому, В.Г.Белинский, издавший в 1827 г. “Основания русской грамматики для первоначального обучения” (Тираспольский, 1979, с.135-137; 1980, с.35-41).

4. Родословное древо индоевропейских языков. В этом разделе Е.С.Гуляев представил ранее не опубликованный документ — схему родословного древа индоевропейских языков А.Шлейхера, скопированную в одной из рукописей И.А.Куратова. На основе этого документа, несомненно, примечательного в творческом наследии И.А.Куратова, автор сделал произвольный вывод о том, что указанная схема заметно повлияла на куратовское истолкование истории финно-угорских языков. На самом деле, как отмечалось выше, И.А.Куратов при решении вопросов истории финно-угорских языков тяготел к ностратической гипотезе, своеобразно соединенной со структурным истолкованием коми языка как преимущественно изолирующего и в историко-типологическом отношении, возможно, связанного с китайским. Подтверждается это и анализом куратовской лингвистической терминологии, в которой обозначения, применявшиеся в сравнительно-историческом языкознании тех дней, представлены лишь четырьмя наименованиями: *семејство языка*, *сродство [родство] языков*, *празык*, *ветвь (языка)* (Тираспольский, 1997, с.82).

5. Вопросы финно-угристики. Этот раздел статьи наиболее удачный, так как Е.С.Гуляев писал здесь о том, что входило в его прямую компетенцию. В разделе представлены интересные сведения и наблюдения, не теряющие актуальность и в наши дни. Наиболее спорными и противоречащими исходному тезису Е.С.Гуляева о гумбольдтианстве И.А.Куратова являются рассуждения относительно его приверженности урало-алтайской теории Кастрена.

В той части статьи Е.С.Гуляева, которую мы назвали **приложением**, содержится впервые обнаруженное нами развернутое высказывание Ф.И.Видемана о И.А.Куратове. Оно было включено сюда в моем переводе, но без ведома и согласия. Посчитаем этот случай недоразумением, которое не должно омрачать доброй памяти о даровитом языковеде.

Заключает свою статью Е.С.Гуляев на лирической ноте, справедливо характеризуя И.А.Куратова как подвижника и мученика науки.

Таким образом, бесспорным достоинством Гуляева-куратоведа является напряженный интерес к малоизвестным, неопубликованным и не изученным материалам в творческом наследии первого коми поэта и ученого, а также постоянная забота о том, чтобы ввести эти материалы в научный оборот. При этом текстологические и публикаторские интересы порой застилают те его качества, которые необходимы для основательного теоретического истолкования рукописных и опубликованных работ. Хотелось бы надеяться, что уроки, полученные при знакомстве с куратоведческой лабораторией Е.С.Гуляева, принесут пользу куратоведам и другим исследователям.

Литература

Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике // Избранные труды. - М., 1975.

Гуляев Е.С. Комментарии к высказываниям И.А.Куратова о языке // Куратовские чтения. - Сыктывкар, 1976. - Т. 2. - С. 87-99.

Вежев А. И.А.Куратов — исследователь коми языка // Куратов И.А. Лингвистические работы. - Сыктывкар, 1939.

Куратов И.А. Лингвистические работы. - Сыктывкар, 1939.

Тираспольский Г.И. Об идейных связях И.А.Куратова с отечественным языкознанием XIX века // Куратовские чтения. - Сыктывкар, 1979. - Т. 3. - С.130-141.

Тираспольский Г.И. И.А.Куратов-языковед. -Сыктывкар, 1980.

Тираспольский Г.И. Лингвистическая терминология И.А.Куратова // Финно-угроведение. - 1997. - № 2. - С. 75-89.

Becker K.F. Organism der Sprache. - Frankfurt am Main, 1827.